Дни юности

А. А. Остужев
народный артист республики
орденоносец

Есть у Альфреда Мюссе чудесное лирическое стихотворение — диалог между сердцем и памятью человека. Память иронизирует над сердцем, обращаясь к нему через каждые четыре строчки с вопросом, не устало ли оно «любить и страдать». И сердце человека отвечает: «Нет, не устало...».

Мемуары, тем более мемуары театрального деятеля, отнюдь не лирическое произведение. Книга «Из прошлого» Вл. Ив. Немировича-Данченко ни в каком соответствии с сочинением Мюссе не находится. Вспомнил я об этих лирических строках французского поэта для того, чтобы ответить моей собственной, естественной в моем возрасте мысли. Жизнь не стоит на одном месте, она не только меняется, но и проходит. Наше поколение стареет, и вольно или невольно подводишь итоги сделанному и пережитому.

Книга «Из прошлого» как литературное произведение вызовет самый глубокий интерес среди многочисленных кругов читателей нашей страны. Поэтические описания природы (замечательный пейзаж летней ночи в степной усадьбе); меткие, исчерпывающие характеристики, лаконичный и глубокий анализ художественных явлений и, наконец, точный, плавный язык — все это делает книгу не только важным историческим документом, но и ценным художественным произведением. Портреты людей, описанных Немировичем-Данченко, по своей живописности и исторической выразительности стоят наравне со знаменитой галлереей портретов Серова. Стиль книги настолько прозрачен, легок и изящен, что самое чтение доставляет подлинно эстетическое удовольствие.

Со страстным волнением читал я эту книгу одного из наиболее ярких и замечательных представителей моего театрального поколения. Мемуары эти заставили меня заново пережить мою юность — время возникновения Художественного театра. Сорок лет тому назад, как и сейчас, Художественный театр осуществлял и воплощал лучшие устремления и надежды русского искусства. Я хочу здесь вспомнить некоторые эпизоды, связанные с моим предполагавшимся вступлением в состав Московского Художественного общедоступного театра—в год его возникновения.

В середине 90-х годов прошлого столетия я учился в Императорском театральном училище при Малом театре, в классе незабвенного А. П. Ленского. Это было вскоре после того, как А. И. Южин-Сумбатов извлек меня из провинциального Воронежа и определил в школу Малого театра. С момента приезда в Москву я стал посещать три артистических дома, окружение которых очень повлияло на формирование моего характера и сознания—актера и гражданина. Это были «дома» — А. И. Южина, А. П. Ленского и В. И. Немировича-Данченко, который жил тогда в одном из переулков в районе Никитской.

Позади уютного и культурно обставленного домика был большой двор с зеленью и дорожками. Иногда по воскресеньям Екатерина Николаевна Немирович приглашала нас, молодежь, на «утренний чай». Обычно на этих утренниках бывал я, молодой сын Ленского — Александр Александрович, дети младшей сестры Екатерины Николаевны—Веры Николаевны и др. Перед каждым из нас ставилась чашка ароматнейшего, дымящегося какао, вкусные песочные пирожки собственноручного изготовления Екатерины Николаевны. До завтрака мы обычно играли во дворе, зимою неистово и с запалом дрались «в снежки»... За завтраком всегда присутствовал Владимир Иванович, тогда уже преподаватель театральной школы при Московской филармонии. Разговоры обычно касались вопросов искусства и литературы. Подвергались критической оценке очередные книжные новинки, какая-нибудь статья в свежем номере «Русской мысли», в котором тогда сотрудничал Владимир Иванович, и др. Это было время смены направлений в русской литературе. На этих утренниках мы впервые услышали имена Чехова и первых русских символистов.

Из постоянных участников этих встреч мне хочется помянуть несколькими словами молодого Александра Александровича Ленского. Это был разносторонне одаренный юноша, интересовавшийся театром, поэзией и обнаруживший незаурядный талант скульптора. Никто из нас не знал тогда, что этот жизнерадостный и не по летам серьезный молодой Ленский уже на гимназической скамье вступил в социал-демократический кружок и примкнул к фракции большевиков. Об этом мы узнали значительно позже, уже после Октябрьской революции, когда Александра Александровича не было в живых. Помнится, как однажды, в 1907 г., в эпоху начавшейся политической реакции, ко мне пришел 18-летний Ленский и обратился с просьбой:

— Александр Алексеевич, мне нужен пистолет!

Он знал, что у меня, как у завзятого охотника, было самое разнообразное огнестрельное оружие. Я подарил ему свой браунинг, не спрашивая, зачем он ему.

Он понадобился Александру Александровичу для обучения стрельбе группы молодых большевиков из боевой организации.

В годы империалистической войны молодой Ленский заболел тяжелой формой тифа и умер. Только в годы гражданской войны мы все к немалому изумлению узнали о том, что он в течение многих лет работал в большевистском подполье Москвы.

В театральных кругах Москвы вскоре заговорили о новом театральном начинании, задуманном Немировичем и Станиславским. Среди старых актеров, как и среди молодежи, кончавшей курс Императорской школы при Малом театре и театральной школы Филармонии, ходили самые разнообразные слухи, связанные с таинственными беседами Владимира Ивановича и Константина Сергеевича, беседами, длившимися порою по 10 часов и больше.

Выпускники обеих театральных школ дружили между собой. Эти отношения об'яснялись многолетней дружбой, связывавшей Немировича-Данченко с Ленским и Южиным.

Вспоминаю вечеринку на одном из переулков Поварской у ученицы Филармонической школы Савицкой, по случаю окончания школы. Там присутствовали ученики Немировича и ученики Ленского. Кроме прекрасной юной Савицкой на вечеринке были Мейерхольд, Киппер и некоторые другие, имена которых я не могу вспомнить.

Мне особенно запомнился юный Мейерхольд. Он оказался «заводилой» очень страстного, захватившего всех разговора о будущих судьбах русского театра. С необыкновенным проникновением и чувством глубочайшей признательности говорил Мейерхольд о Немировиче, Станиславском, Ленском, как разносторонних мастерах сцены—актерах и режиссерах. Но с такой же страстностью и воодушевлением он говорил о том, что русский театр вместе со всей русской жизнью не может дольше топтаться на одном месте. Он говорил о том, что предстоят крупные бои за новый русский театр и что участниками этих боев будем мы все, каждый из нас.

Через несколько недель после этой вечеринки Вл. Ив. Немирович-Данченко собрал в круглой комнате нынешнего Дома союзов группу выпускников обеих московских театральных школ. Из выпускников школы Малого театра на собрании присутствовал я и Айдаров. Владимир Иванович обратился к нам с речью. Я и сейчас помню его медленные, сдержанные жесты, густую, раздвоенную по середине черную бороду, его точные, взвешенные и меткие сравнения. Он говорил о театре новой формы, освобожденном от рутины и штампов бытовых традиций.

Обращаясь к нам, он прямо заявлял, что этот новый театр должен быть создан силами актерской молодежи. Владимир Иванович развернул перед нами широкую программу:

— Театр должен быть общедоступным, народным, созданным для народа, питающимся идеалами и надеждами народа и отдающим всего себя без остатка на служение родному народу. Только пластические души, еще не успевшие окостенеть в привычных актерских штампах, могут создать такой театр, который будет воспитывать подлинного человека и гражданина.

Я привожу только содержание речи Владимира Ивановича, а не его точные выражения. Собрание продолжалось с семи вечера до двенадцати часов ночи. После речи Немировича я был потрясен так, как может быть потрясен молодой человек, готовящийся к началу своей артистической карьеры. Я тут же бесповоротно решил вступить в театр под руководством Немировича и Станиславского. На следующий день я, еще не остывши от впечатлений после описанного собрания, буквально ринулся к Александру Ивановичу Южину и откровенно рассказал ему о своем решении. Александр Иванович не согласился со мной:

— Не для того мы тебя вывезли из Воронежа, не для того тебя воспитывали в нашей школе, чтобы отдать другому театру.

Слова Александра Ивановича были мне более чем понятны. Но я уверен, что Немирович-Данченко и Станиславский на месте Южина дали бы своим воспитанникам точно такой же совет.

Я пошел к А. П. Ленскому. Он глубоко сочувствовал театральным идеям Немировича-Данченко. А. П. тяготился чиновничьей рутиной, царившей в управлении императорских театров, и жестоко страдал от нее. Это управление относилось к «причудливым затеям» Александра Павловича свысока и всячески тормозило его инициативу. В описанное время Ленский жестоко страдал от такого вмешательства театральных чиновников в задуманные им постановки «Сон в летнюю ночь» и «Бой бабочек». Бюрократическая дирекция императорских театров выживала Ленского из Малого театра. Поэтому Александр Павлович носился с мечтой о создании нового театра. Основой такого театра должна была также быть актерская молодежь.

— Как же так, дружочек мой,— ответил на мои взволнованные признания Александр Павлович, — все это, конечно, прекрасно, но ведь ты и здесь нужен. Вот, если мне не удастся осуществить мою мечту о новом театре, тогда уходи к художественникам. Впрочем, не беспокойся, с Володей (Владимиром Ивановичем) мы о тебе договоримся.

После многочисленных мытарств и хлопот Александру Павловичу удалось создать свой театр.

Помню осень 1898 года. Однажды меня пригласил к себе домой Александр Павлович.

— Приходи ко мне, дружочек, поедем с тобой на первый спектакль «Царя Федора Иоанновича» в Новом театре в «Эрмитаже».

И вот через несколько часов я сижу в ложе рядом с Ленским и гляжу на сцену. Как и весь зрительный зал, как и все присутствовавшие на этом спектакле русские актеры, мы были потрясены реалистической правдой постановки, новой, смелой мизансценировкой, оригинальными костюмами, великолепной игрой актеров и прежде всего игрой И. М. Москвина. К концу спектакля все почувствовали, что в театральном мире Москвы произошло величайшее событие. После спектакля меня снова охватило страстное желание пойти работать и учиться — к Немировичу и Станиславскому. Но А. П. Ленский сдерживал меня:

— Это прекрасно, дружочек мой, но я сделаю все возможное, чтобы и у нас, в нашем новом театре, было так же.

У А. И. Южина в то время часто собирались к обеду Владимир Иванович Немирович-Данченко, Ленский, драматурги Шпажинский, Гнедич, Модест Чайковский, А. Потехин, редактор «Русской мысли» В. Гольцев. После обеда в кабинете у Александра Ивановича начинались длинные дружеские беседы о русском театре и о его судьбах. Помню, как во время одной из этих бесед А. П. Ленский заявил, что в скором времени в отремонтированном здании Нового театра (бывший Шелапутинский) состоится премьера «Леса» в его постановке.

В этом спектакле я сыграл роль Буланова и тогда же навсегда связал свою актерскую судьбу с судьбою Малого театра.

Вот воспоминания, ожившие в моей памяти при чтении замечательной книги Вл. Ив. Немировича-Данченко.

Группа учеников Театральной школы (ныне—школы им. Щепкина) при Малом театре. Стоят — Л. М. Леонидов и Григорьев, сидят — Недоброво, Алексеева, преподаватель школы Невский, Айдаров, Манукова, Вальц, Васенин и Остужев. Снимок сделан в 1896 году

Сов. искусство.
17 мая 1937 г.